

«Ч А П А Е В»

В П Е Р Е Д И!

В 1932 году молодым режиссерам студии «Ленфильм» однофамильцам Георгию Николаевичу и Сергею Дмитриевичу Васильевым было предложено снять фильм о легендарном, комдиве гражданской войны Чапаеве.

Это было время, когда в Ленинграде начали совместную работу Зархи и Хейфиц, Козинцев и Трауберг снимали «Юность Максима», Эрмлер — «Крестыан», Петров — «Грозу», в Москве Александров — «Веселых ребят», Райзман — «Последнюю ночь» и т. д. Начиналась новая большая эпоха советской кинематографии.

Опыта у братьев Васильевых (такой они избрали себе псевдоним) пока было больше жизненного, чем творческого. Георгий Николаевич служил в гражданской в Красной Армии, впоследствии занимался журналистикой. Сергей Дмитриевич принимал непосредственное участие в Великой Октябрьской революции, потом командовал ротой самокатчиков службы связи Смольного, не раз выполнял поручения Владимира Ильича Ленина. Режиссеры сделали свой первый, не очень удачный немой фильм «Спящая красавица», много работали в кино как редакторы-монтажеры.

В них верили.

Прочитав неопубликованные дневники и записные книжки Дм. Фурманова, подробно и добросовестно изучив огромный и интереснейший документальный материал, Васильевы создали сценарий, который стал литературным произведением, рожденным повестью Дм. Фурманова и в то же время оригинальным и самобытным.

Впервые сценарий читался авторами на квартире у замечательного драматического актера И. Н. Певцова (он сыграл в «Чапаеве» белогвардейского полковника Бороздина) зимой 1933 года. Присутствовал там и я. Впечатление и на Певцова, и на меня сценарий произвел погрязшее.

Потом я шел с Васильевыми по ночному Ленинграду. Мы останавливались на пустынных перекрестках, и я все рассказывал им, каким я себе представляю Чапаса, как он двигается — легкий, стремительный, как щеголски носит свою папаху, как выкрикивает слова команды пронзительным высоким голосом... Васильевы сначала думали поручить мне роль Петьки, теперь поверили, что смогу сыграть и Чапаева.

Утверждая я был на роль, как только сценарий запустили в производство, без предварительных репетиций и проб. Признаться, в первых снятых сценах я был далек от Чапаева и

даже от своего представления о нем. Режиссеров это, к счастью, нисколько не смутило. Тогда, можно сказать, на заре современного кинематографа, они прекрасно понимали, что образ не может родиться сразу, в точном соответствии со съемочным графиком, а создается в результате длительного, подчас мучительного творческого процесса.

Период сомнений, технических трудностей прошел довольно быстро. Я узнал своего Чапаева досконально, мог представить его в любых жизненных обстоятельствах. Образ, характер существовали в моем сознании совершенно самостоятельно, не подчиняясь ни режиссерам, ни консультантам, ни даже мне самому. Во время спора с комиссаром, например, голос Чапаева должен был греметь: «Я — Чапаев!» — а мой герой вдруг обессиленно усаживался на табурет и тихо, словно удивляясь непониманию собеседника, спрашивал: «...Ты понимаешь, что я — Чапаев?».

Два лета мы жили на Волге в лагерях одной из красноармейских дивизий. Там и снимали фильм. Ничто большее в искусстве не создается без значительных усилий, и о собственной работе в картине я вспоминаю как о периоде громадного нервного и физического напряжения. А сама работа съемочного коллектива до сих пор представляется мне примером дружного, вдохновенного и беззаветного творческого труда.

...Поздней осенью 1934 года мы приехали в столицу на премьеру «Чапаева». Несколько дней назад я уже присутствовал на первой демонстрации фильма в ленинградском кинотеатре «Титан». Видел притихший и долго не поднимавшийся с мест зал. Слышал добрые слова. А теперь мы едем в машине по утренней Москве и удивляемся длинным очередям на улицах. Шофер говорит:

— Это идет новая картина «Чапаев». Не видели? Вот посмотрите... Если достанете билет.

Успех «Чапаева» рос с каждым днем. О нем восторженно отзывались Киров, Рудзутак, Тухачевский, Гамарник... Вспоминаю необычную картину в маленьком районном городке: на центральной площади горят костры, в морозном воздухе пар от десятков ртов — окрестные крестьяне съехались на «Чапаева», фильм идет в Доме культуры круглые сутки.

А в Москве движутся целые колонны, как на демонстрациях, с плакатами «Мы идем смотреть «Чапаева».

В чем же дело? Чем можно объяснить всенародный успех картины?

Для громадного большинства зрителей 30-х годов «Чапаев» был недавним и

хорошо знакомым прошлым. Люди видели здесь не срепетированные сцены, не актеров, изображающих героев гражданской войны. Это был реальный светлый и трагический эпизод жизни народа. Непосредственность восприятия фильма, полная вера в подлинность происходящих на экране событий были присущи всему кинозалу.

Я уже рассказывал в печати, как плакал горькими и радостными слезами старый чапаевский боец, все повторяя: «Там, у колодца, в белой-то рубашке, ведь это я был...» Я не имел права разрушать его веру. Подтвердил: «Это был ты. Я знаю».

21 ноября 1934 года «Правда» напечатала передовую статью под названием «Чапаева» посмотрит вся страна».

«Чапаева» посмотрела вся страна. Потом весь мир. Человек с поднятой шапкой, идущий в атаку на белков, триумфально, но не легко прорвался на буржуазные экраны. Фильм завоевывал позиции постепенно — он шел на Балканах, потом во Франции и Италии, Турции и Китае, наконец в США. Цитирую «Правду»:

«Чапаев» идет на Бродвее уже шестую неделю... Шесть недель — ежедневно очереди у театра, шесть недель — бурные восторги публики, шесть недель вся пресса ежедневно пишет о «Чапаеве»...

Здесь, в Нью Йорке, наблюдается такая же картина, как и в Москве. — люди ходят смотреть «Чапаева» по многу раз, каждый раз по-новому восторгаясь картиной... «Чапаев» победил».

Сравнительно недавно в Алжире на Неделе советского фильма «Чапаев» опять шел с триумфальным успехом. На улицах этого африканского города ко мне подходили люди, говорили по-русски:

— Здравствуй, товарищ Чапаев.

Мне хотелось бы закончить эти заметки-воспоминания словами Сергея Эйзенштейна о нашем фильме, которые впервые увидели свет почти тридцать три года назад именно на страницах «Литературной газеты»:

«...Мы не хотели провозглашать великими победами то, что, по нашему мнению, не до конца этого заслуживало. Мы отмахивались на многие картины.

Но это был не песням.

Это был критерий высокой требовательности к своей кинематографии.

Зато сейчас... мы с полным и обоснованным чувством громадной радости можем воскликнуть при этом новом бескомпромиссном доказательстве нашей кино-мощи:

Наконец!»

Мир. газета, Москва, 1967, 6 сент. № 36